

Тразанова Наталья Юрьевна, Шалина Ирина Викторовна

ЭССЕ "ПОХВАЛА ТЕНИ" КАК ЦЕННОСТНЫЙ КОД ТРАДИЦИОННОЙ ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Статья посвящена проблеме исследования художественного текста с целью выявления ценностного кода лингвокультуры. Анализ текста эссе "Похвала тени" Танидзаки Дзюньитиро осуществляется посредством аксиологического подхода. В результате изучения текста устанавливаются "выходы" от компонентов эссе на фрагменты традиционной японской культуры и японского языка. Производится реконструкция кода эстетической красоты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 180-183. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.521

Статья посвящена проблеме исследования художественного текста с целью выявления ценностного кода лингвокультуры. Анализ текста эссе «Похвала тени» Танидзаки Дзюньитиро осуществляется посредством аксиологического подхода. В результате изучения текста устанавливаются «выходы» от компонентов эссе на фрагменты традиционной японской культуры и японского языка. Производится реконструкция кода эстетической красоты.

Ключевые слова и фразы: ценностный код лингвокультуры; традиционная японская лингвокультура; художественный текст; декодирование текста; код эстетической красоты.

Тразанова Наталья Юрьевна, к. филол. н.

Шалина Ирина Викторовна, к.и.н.

Иркутский государственный университет
ntrazanova@gmail.com; i_v_s2000@mail.ru

ЭССЕ «ПОХВАЛА ТЕНИ» КАК ЦЕННОСТНЫЙ КОД ТРАДИЦИОННОЙ ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Мир человека, как и мир любой лингвокультуры, имеет своей основой ценности. Поэтому одним из важных вопросов при изучении иноязычной лингвокультуры является постепенное усвоение ценностных кодов культуры и языка.

Код понимается как семиотическая система, обладающая динамической структурой, конвенциональностью, воспроизводимостью и способностью «переключаться» на различные фрагменты лингвокультуры. Данное определение кода базируется на положениях У. Эко о коде как об «отсутствующей» структуре в рамках герменевтического интерпретационного подхода [5, с. 375, 416-417]. В связи с этим код рассматривается как метамодель, которая позволяет приблизиться к инвариантному уровню кода, но никогда не достигает его, однако предоставляет выходы на коды других уровней.

Ценностные коды лингвокультуры обнаруживаются в текстах, наполненных значимой для представителей данной лингвокультуры информацией: народных изречениях и пословицах, сказках, прецедентных текстах художественной литературы.

Согласно Р. Барту, в художественном тексте содержится множество кодов: прозрительский (или акциональный), семантический, культурный, герменевтический и символический.

Для получения доступа к каждому из них требуется декодирование текста. Вместе с тем художественный текст не раскрывает всех кодов полностью, но «хранит про запас некий последний смысл, который он не облекает в слово, но для которого, тем не менее, оставляет свободное и почетное место: эта нулевая степень смысла (предполагающая вовсе не его отмену, но, напротив, его признание), этот добавочный, непредвиденный смысл, выступающий как театральная знаменность» [1, с. 196].

Данное свойство текста Барт называет «задумчивостью», подразумевая полноту, глубину содержания, некое внутреннее пространство, которым обладает классический текст и которое не может быть исчерпано, выражено, разгадано, но увенчано прелестью недосказанности.

В данной статье предметом лингвокультурологического анализа является эссе 陰翳礼讚 «Похвала тени» Танидзаки Дзюньитиро, в котором раскрывается представление о красоте как фрагменте японской лингвокультуры. Его следует признать одним из ключевых произведений, обнаруживающих ценностный код как культуры, так и языка.

Танидзаки, будучи не только национальным, но также признанным в мире писателем, известен как приверженец эстетического направления в литературе. В начале своего творческого пути он преклоняется перед «красотой демонической», обладающей губительной и разрушительной силой, и лишь с течением времени приходит к «красоте божественной» [2, с. 7].

Именно в эссе «Похвала тени» Танидзаки наглядно показывает и даже, пожалуй, позволяет почувствовать вкус того, что относится к категории прекрасного в мироощущении японцев. Тем самым автор предоставляет возможность доступа к ценностному коду японской лингвокультуры, в частности коду эстетической красоты.

Само название эссе 陰翳礼讚 *Инъэйрайсан* «Похвала тени» говорит о том, что представление о красоте истолковывается посредством обращения к категориям тени и света, причём природой «прекрасного» надеется полумрак.

В ходе повествования тень предстаёт в различных обликах, обретает разнообразные имена, составляющие своеобразный синонимический ряд: 陰翳 *инъэй* «тень», 薄暗さ *усугураса* «полумрак», 闇 *ями* «темнота, тьма», 暗さ *кураса* «темнота, мрак», 曇る *кумору* «тускнеть, затуманиваться, терять ясность», 暗黒 *анкоку* «темнота, мрак, тьма» и т.д.

Приступая к рассмотрению конкретных языковых примеров, следует отметить, что для непосвящённого в специфику японской лингвокультуры следующие примеры могут показаться несколько парадоксальными и даже невероятными. Однако, на наш взгляд, они позволяют составить приближенное к реальности представление об эстетическом коде японской лингвокультуры.

К категории прекрасного Танидзакки относит храмовые туалеты, которые в тексте носят название 廁 *кавая* «уборная». Автор выражает искреннее восхищение уборными старого образца и возводит их в ранг «храма эстетики».

Дословный перевод слова 廁 *кавая* «речной домик» неслучаен, поскольку ранее туалеты сооружались на мостиках над реками, ручьями и каналами и использовались до окончания Второй мировой войны [3, с. 127].

Вместе с тем идеальным «храм эстетики» может считаться лишь при соблюдении непрременных условий: 薄暗さ *усугураса* «полумрака», 清潔 *сэйкэцу* «предельной чистоты» и 蚊の呻りさえ耳につくような静かさ *ка но унари саэ мими ни цуку ё:на сидзукаса* «такой тишины, чтобы ухо различало даже комариное пение».

Данное сочетание создаёт гармоничную атмосферу глубокого отдыха, в которой человек может предаваться мечтаниям и любоваться красотами природы: 総てのものを詩化してしまう我等の祖先は、住宅中で何処よりも不潔であるべき場所を、却って、雅致のある場所に変え、花鳥風月と結び付けて、なつかしい連想の中へ包むようにした *Субэтэ но моно о сикаситэсимау варэра но сосэн ва, дзю:таку нака дэ доко ёри мо фукэцу дэ ару бэки басё о, каэттэ, масасити но ару басё ни каэ, катё:фу:гэцу то мусубицукэтэ, наукасий рэнсо: но нака э цуцумуё: ни сита.* / «Наши предки, которые не в состоянии были оставить что-нибудь неопозитизированным, из места, долженствующего быть самым нечистым во всем доме, создали храм эстетики, связанный с цветами, птицами, луной, красотами природы и трогательными ассоциациями» [4, с. 560-561].

Приведённая выше цитата содержит довольно известное устойчивое сочетание 花鳥風月 *катё:фу:гэцу* «красоты природы» (букв. «цветы, птицы, ветер, луна»), которое относится к эстетической категории 風流 *фу:рю:* «вкус, изящество, утончённость». Описание уборной *кавая* посредством данных понятий подчёркивает её статус чистого и эстетически притягательного места.

Что касается материалов, из которых должна быть сделана уборная, предпочтение отдаётся дереву, в противопоставление сверкающим белизной фаянса и светлыми стенами туалетам в европейском стиле. В особенности ценится потемневшее от времени дерево, с естественным узором.

Налёт времени, который приобретают вещи с годами, также является одной из ценностных категории эстетического кода японской лингвокультуры. Данное явление называется *нале нарэ* «глянец» и означает следы использования в течение длительного времени, оставленные на предметах: отпечатки касаний человеческой плоти, масляную копоть, подтёки.

Не остаётся без особого внимания и японская традиционная кухня, которая также представлена через игру теней и полумрака: ...われわれの料理が常に陰翳を基調とし、闇と云うものと切っても切れない関係にあることを知るのである *варэварэ но рё:ри га цунэ ни инъэй о китё: то си, ями то цу моно то киттэ мо кирэнэй канкэй ни ару кото о сину но дэ ару.* / «...наши национальные блюда неразрывно связаны с темной и основным тоном своим имеют “тень”» [Там же, с. 574].

Японский белый рис, прозрачное желе ёкан, суп мисо составляют органичное сочетание с лакированной посудой чёрного, коричневого, красного цветов, которые как будто созданы из «наслоений темноты». Чаши, деревянные лакированные кадушечки тёмных густых тонов придают традиционным блюдам особенную глубину. Белый фарфор, традиционный для европейской культуры, не годится для японских блюд – рис сольётся с белым фоном тарелки, суп мисо не будет выглядеть аппетитно, прозрачное желе потеряет свою глубину.

Танидзакки указывает на то, что фарфор воспринимается как тяжёлая и холодная субстанция, в то время как японская лакированная деревянная посуда создаёт ощущение тепла и уюта.

Следует отметить, что для японской кухни важным и ценным является внешний вид еды – блюдо должно радовать глаз и соответствовать времени года, содержать в себе сезонные символы. Весной подают сладости нежно-розового цвета в форме цветов сакуры, рисовые лепёшки *моти* заворачивают в молодые зелёные листочки, осенью блюда украшают лепестками хризантем, кленовыми листочками, вырезанными из моркови и других овощей. Японцы склонны любоваться едой так же, как и красотами явлений природы – *ханами, цу-кими, юкими*, (любование цветущей сакурой, осенней луной, снегом).

Искренним восхищением пронизана картина в чёрно-белых тонах, которую рисует Танидзакки, изображая рис в лакированной кадучечке: あの、炊きたての真っ白な飯が、ぱっと蓋を取った下から暖かそうな湯気を吐きながら黒い器に盛り上って、一と粒一と粒真珠のようにかざやいているのを見る時、日本人なら誰しも米の飯の有難さを感じるであろう *Ано, такитатэ но массирона мэси га, патто фута о тотта сита кара ататакасо:на югэ о хакинагара курой уцува ни мориагаттэ, ити то рю:итто цубу синдзю но ё:ни кагайтэиру но о миру токи, нихондзин нара дарэ симо комэ но мэси но аригатаса о кандзиру де аро.* / «Для кого из японцев не дорог вид этого белого, только что отваренного риса, наложенного горкой в чёрную кадочку, в момент, когда с него снята крышка и сверху поднимается тёплый пар, а каждая крупинка риса блестит, словно жемчужинка» [Там же].

Рис является не только основным продуктом традиционной японской кухни, но и сакральным символом силы духа, жизненной силы. Ранее рис записывали знаками 霊穀 *рёйкоку* «зерно духа», которые прочитывались как *チカラ тикара* «сила» [6, с. 34]. Рис использовали как подношение богам, из него делали священное сакэ *омики*, которое использовали в ритуальных целях, рисовые лепёшки ели для того, чтобы восстановить жизненную энергию.

Идея о значимости риса в японской лингвокультуре прослеживается в устойчивых выражениях японского языка: 稲は「いのち」の「ね」 *Инэ ва иноти но нэ* [Там же, с. 38]. / «Рисовое зёрнышко – основа жизни»;

いつも月夜に米の飯 *Ицумо цукиё ни комэ но мэси* [Там же, с. 37]. / «Рис в лунную ночь» (то есть лёгкая спокойная жизнь, в которой есть всё самое важное и необходимое).

Образ женщины в традициях японской культуры также предстаёт будто сотканным из темноты, что органично вписывается в концепцию древней даосской философии о единстве и противостоянии первоэлементов бытия Инь и Ян, тёмного и светлого начал всего сущего. В соответствии с даосскими воззрениями светлая и лёгкая энергия Ян является олицетворением мужской природы, а тёмная и тяжёлая энергия Инь представляет собой женское начало.

Фрагмент эссе «Похвала тени» характеризует образ женщины, уподобляя его фигурке куклы театра Бунраку, у которой тело и ноги скрыты длинным одеянием, оставляя на всеобщее обозрение лишь лицо и кисти рук. 昔の女と云うものは襟から上と袖口から先だけの存在であり、他は悉く闇に隠れていたものだ *Мукаси но онна то цу моно ва эри кара уэ то содэгути кара саки дакэ но сондзай дэ ари, хока ва котоготоку ями ни какурэтэита моно да.* / «...женщина в старину существовала лишь над воротом платья и снаружи рукавов, – вся остальная часть ее тела была скрыта в темноте» [4, с. 587].

Упоминается также обычай чернения зубов, который наполнял мраком даже рот женщины, подчёркивая белизну лица. お歯黒 *охагуро* «традиция чернения зубов» была распространена вплоть до эпохи Мэйдзи. Кроме того, что нанесение чёрного лака на зубы соответствовало канонам красоты тех времён, данная процедура способствовала восполнению недостатка железа и сохранению зубов. Также стойкость краски на зубах у замужних женщин символично показывала супружескую верность.

В пословицах и устойчивых выражениях японской лингвокультуры подтверждается то, что образ женщины выстраивается в соответствии с чертами её лица, а не фигуры:

1) 年齢男 – 彼の精神、女性の年齢 – 彼女の顔 *Нэнрэй отоко – карэ но сэйсин, дзёсэй но нэнрэй – дзёсэй но као* [7, с. 65] / «Возраст мужчины – его дух, возраст женщины – её лицо»;

2) 顔について、若い男が若い女性の魂によって判断される *Као ни цуитэ, вакай отоко га вакай дзёсэй но тамэ ни ёттэ хандансарэру* [Там же] / «О молодости мужчины судят по душе, о молодости женщины – по лицу»;

3) 花顔雪肌 *Кагансэппу* [Там же, с. 44] / «Лицо подобно цветку, кожа бела, как снег».

В старину принято было любоваться скорее скрытой красотой, нежели демонстрируемой напоказ, скорее деталями, чем целостным образом. Женская красота была спрятана за ширмами, зонтиками, широкими складками рукавов, веерами. Данные детали подчёркивали скромность и застенчивость дам, позволяя сохранять таинственность и оставляя мужчинам додумывать, достраивать прекрасный образ.

夜目遠目笠の内 *Ёме то:мэ каса но ути* [Там же, с. 309]. / «Любая женщина кажется красивой в темноте, издали или под бумажным зонтиком».

Женщины тех времён, особенно аристократки, редко выходили на улицу, а когда возникала необходимость, пользовались повозками, поэтому даже лицо можно было увидеть в редких случаях. Одежда была неяркой, не привлекающей внимания, в основном с преобладающими тёмными тонами. Особенности фигуры, силуэта, тела женщины не принято было выделять – их скрывали.

Таким образом, пребывая дома, в прохладном полумраке раздвижных перегородок *сё:дзи* и *фусума*, женщина как будто растворялась в этом пространстве – тело как будто исчезало:

闇の中に住む彼女たちにとって、ほのじろい顔一つあれば、胴体は必要がなかったのだ *Ями но нака ни суму канодзё тати ни тоттэ ва, хонодзирой као хитоцу арэба, до:тай ва хицуё: га наката но да* [Там же, с. 589]. / «...для женщин, живших во тьме, было достаточно одного лица, белеющего во мраке, – в туловище необходимости не было».

В итоге череда образов и многообразных обликов тени, показанных на примерах повседневной жизни и быта японцев (обустройство домашнего пространства, блюда традиционной кухни), а также в сфере искусства (театральные образы, архитектура), связывается с уникальностью мировидения и мышления японского народа.

「掻き寄せて結べば柴の庵なり解くればもとの野原なりけり」と云う古歌があるが、われわれの思索のしかたはとかくそう云う風であって、美は物体にあるのではなく、物体と物体との作り出す陰翳のあや、明暗にあると考える *«Какиёсэтэ мусубэба сиба но иори нари токурэба мото но нохара нари кэри» то цу кока га ару га, варэварэ но сисаку но сиката ва токаку со: цу фу: дэ аттэ, би ва буттай ни ару но дэ ва нау, буттай то буттай то но цукуруидасу иньэй но ая, мэйан ни ару то кангаэру* [Там же]. / «В одной нашей старинной песне говорится: “Набери ветвей, заплети, завей – вырастет шатёр. Расплети – опять будет пустовать лишь степной простор”. Слова эти хорошо характеризуют наше мышление: мы считаем, что красота заключена не в самих вещах, а в комбинации вещей, плетущей узор светотени».

Итак, проведённый анализ фрагментов эссе «Похвала тени» позволяет сделать следующие выводы.

1. Ценностный код японской традиционной лингвокультуры, в частности эстетический код, восстановленный по данным эссе, предоставляет доступ к пониманию других текстов культуры (пословицам, устойчивым выражениям японского языка и т.д.), а также к культурным кодам (отсылая к фактам, традициям и явлениям японской культуры).

2. Ядерной эстетической категорией кода является陰翳 *иньэй* «тень», которая в тексте реализуется синонимическим рядом родственных понятий: 薄暗さ *усугураса* «полумрак», 闇 *ями* «темнота, тьма», 暗さ *кураса* «темнота, мрак», 暗黒 *анкоку* «темнота, мрак, тьма» и т.д.

3. Реконструкция образов, рассмотренных в статье, позволяет составить представление о специфике мироощущения, сформированного традиционной японской лингвокультурой. Эстетическая категория тени, характеризующая данные образы, переплетается с другими категориями прекрасного в японской лингвокультуре, такими как 風流 *фу:рю*: «изящество, утонченность», 花鳥風月 *катё:фу:гэцу* «красоты природы», なれ *нарэ* «глянец».

Список литературы

1. Барт Р. S/Z / пер. с фр. под ред. Г. К. Косикова. Изд-е 2-е, испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
2. Григорьева Т. П. Слово о писателе // Танидзак Д. Похвала тени / пер. с яп. А. Долина, В. Мазурика, М. Григорьева, И. Могобрыцевой. М.: Азбука-классика, 2001. С. 5-20.
3. Мещеряков А. Н. Книга японских обыкновений М.: Наталис, 1999. 400 с.
4. Танидзак Д. Похвала тени / пер. с яп. М. Григорьева. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. 605 с.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняло. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.
6. 永山久夫 和食ことわざ辞典. 東京堂出版. 2014. 317 p. (Нагаяма Хисао. Словарь пословиц по тематике «Японская еда». Токио, 2014. 317 с.)
7. 谷崎潤一郎 陰翳礼讃 (Танидзак Дзюньитиро. Похвала тени) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kuniomi.gr.jp/togen/iwai/raisan.htm> (дата обращения: 17.09.2016).

ESSAY “IN PRAISE OF SHADOWS” AS VALUE CODE OF THE TRADITIONAL JAPANESE LINGUISTIC CULTURE

Trazanova Natal'ya Yur'evna, Ph. D. in Philology
Shalina Irina Viktorovna, Ph. D. in History
Irkutsk State University
ntrazanova@gmail.com; i_v_s2000@mail.ru

The article is devoted to the study of literary text in order to identify a value code of the linguistic culture. The analysis of the text of the essay “In Praise of Shadows” by Jun'ichirō Tanizaki is performed through axiological approach. As a result of the study of the text the authors reveal “ways out” from the components of the essay to the fragments of the traditional Japanese culture and Japanese language. The reconstruction of the aesthetic beauty code is carried out.

Key words and phrases: value code of linguistic culture; traditional Japanese linguistic culture; literary text; decoding of text; aesthetic beauty code.

УДК 8; 80.800:81-2

В статье рассматриваются семантические особенности применения терминов, обозначающих природные явления в современном татарском антропонимиконе. Анализ современного антропонимикона показал, что выбор имени обусловлен внешне-бытовыми факторами и культурно-историческими условиями. В таких характеристиках отражены национальная специфика мировосприятия татар, сознательное воздействие на психологию личности и символы национальной культуры.

Ключевые слова и фразы: личные имена; татарская антропонимическая система; внешне-бытовые факторы; культурно-социальные факторы; исторические условия.

Хафизова Роза Зуфаровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
rose_s_shipami@mail.ru

РОЛЬ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБРЯДАХ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ

Язык – главное условие возникновения этнической общности. Будучи основой общественного существования народа, он сплачивает людей, а благодаря своей осмысленности принимает их в свою область, служит этносу и в значительной мере определяет его [6, с. 50].

В татарском языкознании лексические, структурные, функциональные особенности татарских личных имен затронуты в работах М. З. Валиевой [1], Г. Р. Галиуллиной [2; 3], М. А. Залялиевой [5], Г. Ф. Саггарова [7; 8]. Большой вклад в изучение татарских личных имен вносят труды Г. Ф. Саггарова, в которых отражены особенности функционирования личных имен XX столетия. Но со временем все меняется, приобретает иные оттенки, появляются новые подходы к изучению личных имен, что требует дальнейшего исследования проблемы.

Как следствие, на сегодня в татарском языкознании нет отдельных трудов по целенаправленному изучению имен с компонентом, обозначающим природные явления, что, собственно, и вызвало необходимость проведения данного исследования. Целью настоящей работы является изучение личных имен, которые имеют непосредственную связь с окружающей природой, в современном татарском антропонимиконе.